

РОССИЯ И США: КРИЗИС СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ

Серия терактов в Париже и Брюсселе 2015–2016 гг., а также взрыв российского самолета над Синайским полуостровом в Египте 31 октября 2015 г. показали неэффективность существующей системы безопасности и эффективность террористов ИГ. Базирующееся на Ближнем Востоке, но активное и за его пределами «Исламское государство» вызывает споры среди экспертов и политиков, в том числе относительно возможности обладания ИГ ядерным оружием или радиоактивными материалами, которые можно применить в военных и террористических целях. В теории существует угроза применения «грязной бомбы», для создания которой достаточно и небольшого количество радиоактивного материала, возможность приобретения или кражи которого остается высокой.

В России риски ядерного терроризма нельзя исключать и внутри страны. Различные исламистские группировки, находящиеся на территории России могут иметь цель получить доступ к ядерным материалам. Россия обладает около 50% мировых запасов высокообогащенного урана и 36% плутония. Поэтому она должна быть наиболее заинтересованной страной в повышении ядерной безопасности, в том числе в контексте террористических угроз.

Однако в столицу США, где в 31 марта – 1 апреля 2016 г. проходил саммит по ядерной безопасности, российские представители не поехали. МИД РФ объяснил это несколькими причинами. Во-первых, Россия заявила, что необходимые политические шаги, заявленные в ходе предыдущих саммитов, выполнены и для политической встречи формат саммита исчерпан. Дальнейшие обсуждения необходимо проводить на уровне физиков-ядерщиков, спецслужб и инженеров. Отметим, что хотя доля истины в этом есть, некоторые политические вопросы все еще актуальны. Например, на высшем политическом уровне до сих пор не поднят вопрос безопасности оружейных запасов плутония и высокообогащенного урана. Запасы ядерных материалов для производства ядерного оружия до сих пор есть во всех странах ядерной пятерки. Однако насколько качественно они защищены, остается не ясно. Ни на одном саммите этот вопрос не поднимался, в том числе Россией.

Во-вторых, недовольство Москвы было связано с тем, что Вашингтон самолично взял на себя роль основного и привилегированного «игрока» в области ядерной безопасности. Руководству России не понравился дефицит взаимодействия в ходе предварительной подготовки саммита и то, что якобы США, Южная Корея и Нидерланды имели особенные права при подготовке и проведении саммита, тогда как России предлагали участие только в одной рабочей группе из пяти. То есть Россию не устраивает рядовое участие в работе по проблематике, где она является одним из государств мирового значения.

Саммит по ядерной безопасности – это действительно детище президента США Б.Обамы, который ставил целью своего президентства снижение роли

ядерного оружия и стремление к безъядерному миру. Первый саммит был проведен в 2009 г., в год избрания Б.Обамы, и далее проходил каждые два года. 7 апреля 2016 г. президент России В.Путин сообщил, что поехал бы на саммит по ядерной безопасности в Вашингтон, если бы саммит не был бы «слишком американским». С одной стороны, Москва не захотела подписывать документы, в разработке которых она не принимала участие, и с успехом продемонстрировала, что готова к сотрудничеству, только если ее роль будет одной из ведущих. С другой стороны, получается, что вопрос соперничества с США оказался важнее проблем ядерного терроризма.

В-третьих, Москва была недовольна тем, что саммит стал попыткой выработать рекомендации для таких международных организаций и инициатив, как ООН, МАГАТЭ, Глобальная инициатива по борьбе с актами ядерного терроризма, Глобальное партнерство и Интерпол. То есть для России, которая легитимизирует свою силу и статус в том числе через членство в подобных международных организациях, эти шаги были восприняты как попытка навязать мнение ограниченной группы государств этим организациям и инициативам. Следует, однако, подчеркнуть, что саммит не выставлял свои решения как юридически обязательные, а упомянутые структуры тем более не имеют обязательств следовать каким-либо сторонним договоренностям. Также то, что главы государств и правительств вырабатывают рекомендации организациям и структурам членами, которых они являются, вряд ли можно считать удивительным.

Следует подчеркнуть, что еще на предыдущем саммите в Гааге Москва, в отличие от 35 стран, отказалась принимать дополнительные обязательства по контролю ядерных материалов. Речь шла о подписи под «Инициативой по выполнению действий по укреплению ядерной безопасности», предполагающей ужесточение международных директив по ядерной безопасности и обязывающей страны сделать свои внутренние процедуры по обеспечению ядерной безопасности открытыми для независимой международной оценки.

В целом Россия болезненно воспринимает себя рядовым звеном в вопросах международной безопасности – ей принципиально быть частью регулирующей системы. Россия не только не участвовала в саммите по ядерной безопасности, но и в период его подготовки критиковала США за их не присоединение к конвенциям о физической защите ядерного материала и о борьбе с актами ядерного терроризма,¹ а также заявляла, что тему ядерной безопасности необходимо обсуждать в рамках МАГАТЭ.

В декабре 2014 г. Россия прекратила сотрудничество с США по обеспечению безопасности на российских ядерных объектах. Акцент был сделан на том, что с 1 января 2015 г. Россия будет самостоятельно обеспечивать безопасность объектов, где хранятся оружейные ядерные вещества. Однако представляется, что данный шаг продиктован не столько необходимостью заявить о финансовых и технических возможностях России в этой сфере (которые не вызывают сомнений), сколько о нежелании сотрудничать с государством, которое официально «сдерживает» ее военную политику и ввела в отношении нее санкции.

В том же духе самостоятельной политики Россия отказалась от продления российско-американской программы «Взаимного сокращения угрозы».

8 апреля 2016 г. МИД РФ заявил, что США не выполняет соглашение об утилизации оружейного плутония 2000 г. Завод по производству МОКС-топлива, необходимый для выполнения соглашения, не создан, хотя Россия такой построила. С альтернативным же и более дешевым методом утилизации оружейного плутония, который США предлагают использовать взамен «сжигания» в ядерных реакторах, Россия не согласна.

Спустя шесть месяцев, 3 октября 2016 г., в разгар российско-американского противостояния по сирийскому урегулированию, В.Путин внес в Госдуму законопроект о приостановлении действия соглашения с США об утилизации плутония. Несмотря на то, что основания для этого были, в пояснительной записке, внесенной в Госдуму, подчеркивалось, что приостановка соглашения – ответ на действия Вашингтона по изменению военно-стратегического баланса, расшатыванию экономики РФ и нарушению прав российских граждан, а в качестве требований для дальнейшего сотрудничества выдвигались проблемы расширения инфраструктуры НАТО и санкций.

Б.Обама несколько раз призывал Россию продолжить переговоры по дальнейшему сокращению ядерного оружия. В ответ Россия обвиняла США, в том, что это они прекратили сотрудничество по военно-политическим вопросам. Россия обвиняет США в нарушении Договора по РСМД, говоря, что отработка элементов системы ПРО используется целое семейство ракет-мишеней, имитирующих широкий спектр баллистических ракет средней дальности. Москве по-прежнему не нравится развитие системы ПРО в Восточной Европе, космическая программа США, концепция «глобального удара», дисбаланс в обычных вооружениях с НАТО, а также «обширная модернизация американского ядерного оружия». В этом Москва видит подрыв собственной безопасности, а в таких условиях она не может вести переговоры.

Москва не видит перспектив что-либо обсуждать, когда США не признают право России проводить ту политику, которую она считает необходимой, и проводят политику сдерживания России через санкции и усиление военной активности НАТО. России важно показать свою силу и решающую роль в вопросах международной безопасности, а дальнейшее разоружение и переговорный процесс с США по этим вопросам видится в России слабостью. Даже в таком обоюдоважном вопросе как действие СНВ-3 Москва предпочитает играть пассивную роль. В ответ на сообщения о намерении Вашингтона предложить России продление договора СНВ-3, МИД РФ заявил о неактуальности этого вопроса в связи с тем, что договор будет действовать еще долгие пять лет (как бы забыв о том, что в условиях смены президентской администрации в 2017 г., не факт, что с учетом складывающихся отношений новый президент США будет заинтересован в этом продлении).

Во времена «холодной войны» именно переговорный процесс по ограничению ядерных вооружений обозначил наступление периода разрядки. Сотрудничество по этому вопросу стало путем как к нормализации отношений, так и к более безопасному миру. Сейчас же, несмотря на существование общих

проблем, сотрудничество не происходит. Напротив, наблюдается жесткая конкуренция за поддержание и формирование повестки дня международной безопасности, чему пример – и российская операция в Сирии. Переговорный процесс по любым стратегическим вопросам зашел в тупик, и, по сути, прекращен. Переговорный процесс, по мнению Москвы, будет возможен тогда, когда США сделают первый шаг, будь то в вопросе отмены санкций, уступок по ПРО или по расширению НАТО. А учитывая, что это вряд ли произойдет в ближайшее время (даже несмотря на смену администрации в Вашингтоне), нас может ожидать продолжение взаимных обвинений в подрыве контроля над вооружениями. Однако возможно, что усиление кризиса в сфере контроля над вооружениями и угроз военной безопасности как раз способно подтолкнуть стороны к сотрудничеству.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ США ратифицировали конвенцию 30 сентября 2015 г. (вступила в силу 30 октября 2015 г.); поправка ратифицирована 31 июля 2015 г. (вступила в силу 8 мая 2016 г.).